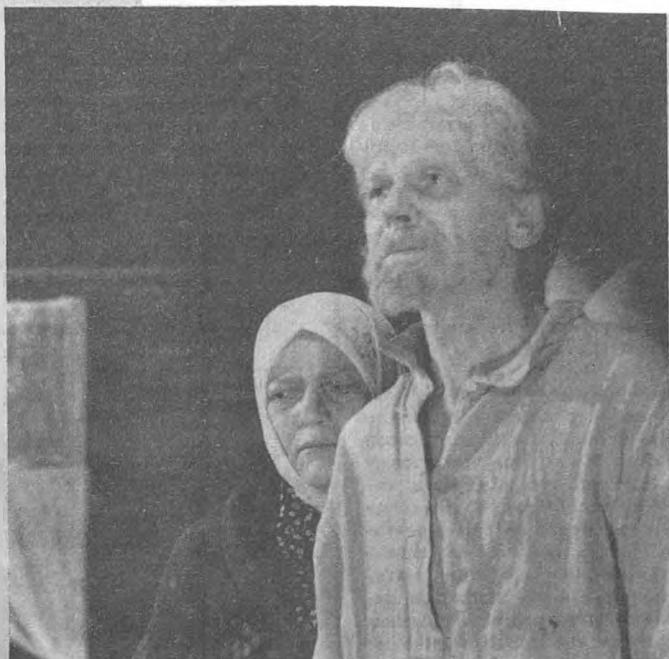

● Творческий портрет

Из каких слагаемых составляется личность актера? Из образов, воплощаемых им на сцене или человеческих поступков? Из профессионального лицедейства или искреннего порыва чувств? И где та граница, которая сможет отделить мир его вечного воображения от бытовых мелочей жизни?

Мы давно привыкли к тому, что можем оказаться в одной очереди с «принцем Гамлетом», утыкаться носом в автобусной толчее в спину «царя Ивана Грозного». А можем самым неожиданным образом, оказавшись вечером в театре, потрясаться и сопереживать герою сцены, так и не поняв, что ходим с ним одним переулком. Да и зачем в скромной фигуре человека, проходящего по улице, узнавать актера, разбудившего твое воображение? Среди нас, людей, он не более чем человек. Но на сцене актер — кумир, владеющий силой удивительно сложных превращений.

ВАШ ВЫХОД, АКТЕР!

Среди многочисленной труппы областного драматического театра им. Охлопкова, среди незаурядных, сложных и часто противоречивых личностей заслуженный артист РСФСР Виктор Егунов, пожалуй, может показаться самым открытым и легко «расшифруемым» человеком. Он добр, жизнелюбив, оптимистичен. В общении пользуется манерой своеобразных, неповторимых «егуновских» подтекстов, состоящих из отдельных фраз, слов, точек, тире и часто междометий, которые все вместе определяют понятие «сибирский юмор».

Да, Виктор Егунов добр, безотказен, но попробуй заставить его сделать то, чего он не хочет, попробуй изменить его характер или уклад жизни и получишь резкий отпор. Практически невозможно подчинить его «я» своей воле. Проработав более сорока лет в труппе единственного в своей жизни театра, он смог сохранить в себе свободу от тщеславия, зависти, местничества.

Работа в театре стала его жизнью, в которой трудно понять, где досуг и отдых, а где творческое напряжение, поиск форм и средств актерской выразительности. Иногда может показаться, что он и не работает даже, как это принято в мире взрослых, а пребывает, как большой ребенок, в воображаемом мире фантазий, образов, игры. Во всяком случае, по его ровной манере держаться, ироничности не определишь, устал ли он, был ли занят в вечернем спектакле и, вообще, находится ли в периоде зстоя, что иногда случается с актерами, или репетирует сложную, ответственную роль.

Если не знать Виктора Егунова долгие годы, то его амплуа можно определить как антра комедийного плана, широко пользующего всевозможными театральными ухищрениями, приспособлениями и прочие фантазийные приемы, не позволяющие его сценическим героям быть скучными на сцене. Но появился обстоятельный, неторопливый, склонный к философии Мультик в «Вечере» А. Дударева, а потом директор гостиницы Калошин в «Вороньей роще» А. Вампилова, и предстал перед зрителями актер редкого дарования, умеющий соединить в себе трагическое и комическое начала. Парадокс Егунова-Калошина заключается в святой вере в те предлагаемые обстоятельства, которые драматург взял из самой что ни на есть нашей жизни и выписал как анекдот. А ведь анекдоты хороший рассказчик всегда рассказывает просто и серьезно. Вот и Егунов в спектакле «Воронья роща» не просто серьезен, он трагически одинок и беспощаден к самому себе, когда вынужден подводить итог собственной жизни, в которой всегда что инвентаря, бывало, не хватало, то образования... Это не шутка — признать в конце жизни в сво-

ей ничтожности и даже вредности пребывания на земле.

Но это не значит, что актер в «Вороньей роще» полностью отказался от наработанных десятилетиями секретов своей профессии и предстал перед зрителями в абсолютно новом качестве. Наоборот, в каких-то неуловимых чертах характера Калошина можно узнать или представить прежние, далекие теплые, сценические образы — Хлудова в «Беге» М. Булгакова, Александра Адуева в «Обыкновенной истории» А. Гончарова, Ивана Рыбакова в спектакле «Иван Рыбаков» В. Гусева. Объединяла часто их внутренняя сила и какая-то внешняя незащищенность, умение принять волевое решение и беспомощность, вселенский хаос души и целенаправленность поступков. Встречались среди его героев и бунтари, и поджигатели устоев внутреннего порядка человека, только бунт этот был немногословен и сдержан, он сосредоточивался внутри и не выпячивался бешеным, малоуправляемым темпераментом.

Были в биографии Виктора Егунова моменты, когда он почти одновременно играл на сцене Бабу Ягу и Олега Кошова, значился исполнителем характерным, а на самом деле был актером необыкновенно широкого диапазона. Профессиональное любопытство не позволяло проходить мимо самых разнообразных проявлений человеческого характера, всей уникальности его психологических проявлений. Егунов никогда не искал ролей, роли сами находили его. Дон Карлос в одноименной трагедии Шиллера, Максим Скрипка в спектакле «Люди, которых я видел», Перебийнос в «Обозе второго разряда...» Да разве все роли, сыгранные за сорок пять лет, перечислишь!

Но особое место среди них занимает образ Ленина в спектакле «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Это было то время, когда исполнитель образа вождя должен был воспроизводить на сцене тщательный грим, воплощая полное портретное сходство, манеру держаться. Но главное, по силе воздействия на умы, темпераменту, напряжению сформулированной и выраженной мысли быть похожим на этого гениального человека. Егунов блестяще справился с этой сложной задачей.

Талант многолик и проявляется в человеке, порой самым неожиданным образом. У Виктора Егунова он сосредоточился еще в необыкновенно уме-

лых руках. Кажется, он умеет все: отремонтировать старинные часы, сшить на стареньком «Зингере» любую вещь, сделать точный макет здания драматического театра, сохраняя на нем все детали архитектурных украшений (кстати, этот макет приобретен у В. Егунова краеведческим музеем).

Мастерски владел очень редкими и ценными профессиями, В. Егунов делает их своим «хобби», сосредоточиваясь на постижении основного мастерства — сценического. Его природный талант отшлифован, огранен, нашел сегодня великолепную оправу, но, к сожалению, не застрахован от «стихийных бедствий», которые часто обрушиваются на театр. Здесь все — непрофессиональные режиссуры, репертуар, несогласованный с твоей индивидуальностью, борьба амбиций и простое человеческое везение, порой отказывающее в милосердии. Здесь во власть вступает и судьба, делающая одни годы твоей работы взлетами, другие — падениями. Но падая, больно ушибаясь, актер никогда не должен терять веры в себя.

Терял ли эту веру Виктор Егунов, когда неудачи порой преследовали его и некоторые вчерашние почитатели таланта, отворачиваясь, пытались списать его в актерский балласт? В жизни бывает всякое, было и такое.

В его работах последних лет появилась особая просветленность, возвышенная одухотворенность и главное — простота, в которой сценические образы кажутся особенно узнаваемыми и живыми.

Направившаяся параллель между внутренним состоянием Виктора Егунова и его героя Бажара из спектакля по пьесе М. Булгакова «Полоумный Журден». Там измученные, выдохшиеся актеры должны по приказу короля вечером сыграть новую пьесу. Только что утомление было вселенским, но преодолена черта между жизнью и сценой, между человеком и актером, и вот в лучах яркого света легко и радостно заблестели талант, юмор, вдохновение. Усталости как не бывало.

Может быть, Виктор Егунов в преддверии своего шестидесятилетия тоже переступил какую-то внутреннюю черту и вновь обрел свежее, легкое дыхание, которое позволяет ему успевать везде: быть занятым во многих спектаклях театра, сниматься в кино на «Ленфильме», преподавать в театральном училище. Заслуженный артист РСФСР Виктор Егунов — профессиональный актер, мастер своего дела. И этим сказано все!

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР В. П. Егунов в спектакле по пьесе А. Дударева «Вечер».

С. ЖАРТУН.